

УДК 343.221

DOI <https://doi.org/10.17308/vsu.proc.law.2021.2/3399>

**ЗНАЧЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА И РОЛИ ЛИЧНОСТИ
ДЛЯ ХАРАКТЕРИСТИКИ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ
ДЕЯНИЯ И КОНСТАТАЦИИ ЕЕ ОПАСНОГО СОСТОЯНИЯ
ПО НОРМАМ УК РФ 1996 ГОДА**

Ю. С. Караваева

*Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (г. Пермь)*

Поступила в редакцию 23 сентября 2020 г.

Аннотация: *в ряде составов преступлений субъект обладает дополнительными признаками, содержание которых образовано его статусно-ролевым положением. Уголовно-правовое значение данных признаков связано с их влиянием на общественную опасность виновного и, следовательно, всего деяния в целом. Вместе с тем установление ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии ставит вопрос о нормативной актуализации теории опасного состояния личности, индикатором которой в данном случае выступает ее статусно-ролевое положение.*

Ключевые слова: *социальный статус и роль, общественная опасность, специальный субъект преступления, опасное состояние личности, высшее положение в преступной иерархии.*

Abstract: *in a number of crimes, the subject has additional features, the content of which is formed by its status and role position. The criminal-legal significance of these signs is related to their influence on the public danger of the perpetrator and, consequently, the entire act as a whole. At the same time, the establishment of responsibility for occupying the highest position in the criminal hierarchy raises the question of the normative actualization of the theory of the dangerous state of the individual, the indicator of which in this case is its status-role position.*

Key words: *social status and role, social danger, special subject of crime, dangerous state of the individual, the highest position in the criminal hierarchy.*

Понятия социального статуса личности и ее ролевого поведения с уверенностью можно отнести к имеющим междисциплинарный характер, несмотря на то что статусно-ролевая теория была сформулирована в рамках социологической науки. В целях криминологического исследования теория социальных статусов и ролей может быть использована для изучения механизма индивидуального преступного поведения, возможностей социального контроля и криминологического прогнозирования преступности. Обращение к выводам этой теории в уголовном праве позволяет представить отдельные формы преступного поведения

как социально значимое взаимодействие субъекта и общества, в котором реализованы статусно-ролевые его возможности, а поведение не соответствует ролевым ожиданиям окружающих. С учетом этого в конструкции составов преступлений со специальным субъектом социальный статус и роль приобретают значение криминообразующих признаков.

Вместе с тем исходя из анализа норм действующего уголовного закона, представляется возможным предположить наличие взаимосвязи данных понятий с категорией общественной опасности деяния, а также определить значение статусно-ролевого положения личности для констатации ее опасного состояния.

Общественная опасность преступления остается предметом активного научного обсуждения на протяжении длительного времени, что, однако, не мешает признавать ее одним из сущностных признаков преступного деяния, учет которого необходим при криминализации и декриминализации преступлений, дифференциации и индивидуализации ответственности. Одним из первых определение понятию дал А. А. Пионтковский, согласно которому «общественная опасность преступного деяния порождается тем, что оно или непосредственно наносит вред социалистическим общественным отношениям, или заключает в себе возможность причинения соответствующего ущерба»¹. По большому счету, современное, разделяемое большинством ученых, понимание термина ему соответствует. Однако, несмотря на свои достоинства, данная формулировка оставляет открытым вопрос об обстоятельствах, учитываемых в целях оценки деяния как общественно опасного. В связи с этим в теории высказаны разнообразные точки зрения, обосновывающие зависимость общественной опасности деяния от объекта посягательства, характеристики преступного последствия, способа совершения деяния, формы вины и, наконец, специфики личности преступника².

Нас, прежде всего, интересует вопрос об учете характеристик субъекта преступления как элемента состава при оценке общественной опасности деяния в целом. В современной науке высказаны различные точки зрения по этому вопросу, проистекающие из отсутствия четко выраженной законодательной позиции, чем, как отмечают К. А. Сыч и В. В. Панарина, «по существу была нарушена тенденция первых уголовных законов Советского государства, где наряду с общественной опасностью деяния указывалось на общественную опасность лица, непосредственно в тексте законодательного определения понятия преступления»³.

¹ Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961. С. 157.

² См., например: Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958. С. 28 ; Рыбак А. З. Общественная опасность деяния как правовая категория // ЮРИСТЪ-ПРАВОВЕДЪ. 2010. № 2 (39). С. 5–9 ; Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М., 1975. С. 68.

³ Сыч К. А., Панарина В. В. Общественная опасность деяния в связи с позитивистской концепцией опасного состояния личности // III Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : тезисы вы-

Мы поддерживаем тех ученых, которые обосновывают необходимость включения в объем искомого понятия оценку общественной опасности деятеля. На наш взгляд, наиболее ярко эта взаимосвязь проявляется в преступлениях со специальным субъектом. Ю. С. Караваева обосновывала криминологическо-правовой подход к определению указанных признаков посредством статусно-ролевой теории⁴, с учетом чего специальные признаки субъекта представляли характеристикой социального статуса и (или) роли виновного. Полагаем, что для вопроса о взаимосвязи субъекта преступления и общественной опасности деяния этот вывод имеет ключевое значение, поскольку позволяет рассматривать преступление как особую форму социального взаимодействия, одним из участников которого выступает виновное лицо, а его противоправные действия (бездействия) есть не что иное, как поведение, не соответствующее ролевым предписаниям и ожиданиям, вытекающим из занимаемого статуса. В данном случае общественная опасность такого преступления обусловлена, во-первых, нарушением субъектом ролевых предписаний, как правило, формализованных в различного рода инструкциях и иных актах, что при наличии необходимых условий одновременно признается и нарушением норм уголовного закона. Эту специфику преступлений со специальным субъектом отмечал В. Н. Кудрявцев⁵. Во-вторых, являясь участником конкретных социальных взаимодействий (именно они и оказываются поставленными под охрану уголовного закона, т. е. выступают объектом деяния), виновное лицо за счет статусно-ролевого положения обладает такими возможностями посягнуть на указанный объект, отсутствие которых либо делает невозможным совершение преступления в принципе, либо существенно его затрудняет. Последняя ситуация характерна для деяний со специальным субъектом, имеющим «аналоги» среди преступлений общеуголовного характера. Полагаем, что и в том и в другом случае присутствуют основания говорить о влиянии специальных признаков субъекта на общественную опасность деяния в целом. Действительно, занятие уголовно значимого статуса презюмирует соответствие лица предъявляемым требованиям к профессиональным и личностным качествам, прохождение установленной процедуры приема (например, в порядке конкурса). С учетом этого лицо наделяется статусными возможностями, включая привилегии, которые дифференцируются в зависимости от конкретного статуса. По большому счету, в идеале речь должна идти о том, что перед нами акт вверения обществом конкретному лицу данных возможностей с одновременным обязательством его к добросовестной их реализации. Поведение, не соответствующее этим ожиданиям, является

ступлений и докладов участников (г. Рязань, 21–23 ноября 2017 г.) : в 8 т. Т. 2 : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства». Рязань, 2017. С. 96–101.

⁴ См.: *Караваева Ю. С.* Специальный субъект преступления : криминологическо-правовой подход : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.

⁵ См.: *Кудрявцев В. Н.* Объективная сторона преступления. М., 1960. С. 149.

ся общественно опасным, потому что посягает на объект «изнутри», и потому что задействует ресурсы, не доступные лицам без подобного статуса. Наиболее ярко это проявляется в должностных, служебных и профессиональных преступлениях, включая деяния, связанные с осуществлением определенного рода деятельности (например, управление транспортным средством).

В случаях, когда преступление со специальным субъектом имеет «аналог» среди деяний общеуголовного характера, посягательство на охраняемый объект способно совершить и лицо, не обладающее уголовно значимым социальным статусом. Однако противоправное поведение специального субъекта способно причинить вред еще одному объекту, который, как правило, признается дополнительным, а по существу представляет собой те социальные взаимодействия, участником которых выступает виновный. Например, насильственные противоправные действия должностного лица посягают не только на личность, ее жизнь и здоровье, но и на интересы государственной службы, а также авторитет конкретной структуры, в которой он эту службу проходит. Это обстоятельство, как представляется, лежит в основе появления так называемых специальных норм, устанавливающих более суровые меры ответственности и подлежащие применению в ситуации конкуренции.

Уместно отметить, что законодательная логика оценки общественной опасности преступлений со специальным субъектом соответствует религиозно-нравственной максиме «и от всякого, кому дано много, много и потребуется; и кому много вверено, с того больше и взыщут»⁶.

Хочется отметить, что подобное понимание преступлений со специальным субъектом и их общественной опасности, как правило, справедливо для тех деяний, субъект которых обладает так называемым приобретенным статусом⁷. Есть исключения, например статус, вытекающий из кровно-родственных отношений, но даже и в соответствующих деяниях можно выделить формализованные и неформализованные статусные возможности, ожидания других участников взаимодействий и требования к ролевому поведению (например, родители и несовершеннолетний в ст. 150, 151 УК РФ).

С учетом указанного, можно сделать вывод о том, что, как правило, уголовно значимые статусно-ролевые характеристики субъекта влияют на общественную опасность деяния, усиливая ее, что принимается во внимание законодателем при конструировании уголовно-правового запрета или ранжировании мер ответственности за его нарушение. Единственным исключением является ст. 106 УК РФ, в которой признаки субъекта учтены законодателем как привилегирующие состав.

Вместе с тем в связи с последними изменениями в уголовный закон значение статусно-ролевых характеристик субъекта было расширено за

⁶ Лк, 12:48.

⁷ См.: Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006. С. 539–540.

счет признания их основанием уголовной ответственности. Речь идет о ст. 210.1 УК РФ «Занятие высшего положения в преступной иерархии», что вызвало в науке как поддержку усилий законодателя по противодействию организованной преступности по образцу ряда зарубежных государств, так и критику по поводу нормативной актуализации теории опасного состояния личности. Иными словами, сама постановка вопроса о взаимосвязи статусно-ролевой характеристики личности с констатацией ее опасного состояния стала возможной в связи с появлением обозначенной нормы в Уголовном кодексе России.

Об опасном состоянии личности впервые заговорили в начале XX в. представители социологической школы уголовного права в контексте разработки превентивных мер относительно лиц, имеющих склонность к преступной деятельности. Положительное восприятие данной теории советским законодателем, вылившееся в правоприменительный произвол («усиление классовой борьбы с врагами»⁸), на долгое время табуировало всякие попытки обращения к ней современных российских ученых. Однако сегодня можно обнаружить работы по конструктивному анализу обозначенной теории, в которых обосновывается необходимость ее использования в действующем уголовном законе⁹. Более того, «традиционные» для отечественного уголовного права понятия судимости, рецидива и принудительных мер медицинского характера признаются производными от идеи опасного состояния личности¹⁰. Важно, что часто авторы не делают различий между понятиями общественной опасности личности виновного и опасным состоянием личности, что, на наш взгляд, лежит в основе ошибочного понимания теории и последующего ее одобрения¹¹.

Так, по мысли А. Принса, впервые упомянувшего об опасном состоянии личности, «...преобразования в уголовном праве заставляют нас признавать опасное состояние даже там, где нет еще преступника, и право вмешательства государства даже туда, где нет ни преступления, ни проступка»¹².

В противовес этому классическая школа уголовного права, многие идеи которой восприняты действующим уголовным законом России, во главу угла ставит факт совершения деяния и наличие в нем состава преступления. При этом особые характеристики деятеля подлежат учету при определении меры уголовно-правового воздействия, включая наказание – речь идет о психическом состоянии и отношении к содеянному

⁸ Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 50–55.

⁹ См., например: Берсей Д. Д., Иванов С. А. Опасное состояние личности в свете современного уголовного законодательства // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41). С. 241–244.

¹⁰ См., например: Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Право». 2013. № 4 (10). С. 100–107.

¹¹ См., например: Берсей Д. Д., Иванов С. А. Указ. соч. С. 241–244.

¹² Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912. С. 43.

(«вменяемость» и «невменяемость», «вина»). Исходя из этого, такая цель наказания, как исправление преступника должна пониматься не в контексте нейтрализации его опасного состояния, а в смысле устранения его общественной опасности, проявившейся в совершенном преступлении.

На наш взгляд, при всей близости рассматриваемых понятий, наличии уголовно-правовых институтов, действительно «произрастающих»¹³ из теории опасного состояния личности, и нечеткости официального понимания социального содержания общественной опасности деяния и соотношения его с общественной опасностью личности преступника, основным критерием разграничения должно выступать понимание оснований ответственности. Ни в коем случае особенности личности преступника не могут выступать сами по себе основанием уголовной ответственности. Их уголовно-правовое значение должно ограничиваться учетом их как условия, влияющего на общественную опасность этой личности.

В одной из своих работ Ю. С. Караваева обосновывала тезис о повышенной общественной опасности лиц с «особым» социальным статусом, под которыми понимала субъектов, занимающих высшие должности в государственных структурах, включая правоохранительные¹⁴. В основание тезиса был положен вывод о том, что социальный статус, предполагающий допуск к материальным, административным ресурсам, а также характеризующийся неформальными возможностями в виде авторитетности, «связей» и виктимогенного влияния на неопределенный круг лиц, при условии деформаций ценностно-нормативной сферы личности, включая правосознание, может обуславливать преступное поведение его носителя. В данном случае социальный статус будет выступать помимо характеристики личности еще и характеристикой конкретной жизненной ситуации, в которой совершается преступление, и одновременно фактором, влияющим на формирование криминальной мотивации. Иными словами, обосновывалась повышенная криминогенность статуса, реализованная в преступлении, совершенном с его использованием или в связи с его наличием. Основанием уголовной ответственности так или иначе оказывается деяние, поэтому криминогенность статуса оценивается как условие общественной опасности личности, но не является при этом показателем ее опасного состояния.

Тот факт, что законодателем в ст. 210.1 УК РФ устанавливается ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии, можно рассматривать как внезапный очевидный разворот к теории опасного состояния в ущерб принципиальных уголовно-правовых положений о вине, составе и природе преступления. Нацеленность законодателя на результат заслуживает поддержки, однако в рамках той же социологической школы уголовного права, детищем которой выступает теория

¹³ См.: Лоба В. Е. Указ. соч. С. 100–107.

¹⁴ См.: Караваева Ю. С. Об общественной опасности личности преступника со специальным статусом // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 1 (39). С. 113–118.

опасного состояния личности, также провозглашались практические цели противодействия преступности, достижение которых посредством аппарата классического направления в уголовном праве понималось как невозможное. Полагаем все же, что гарантией от произвола в правоприменительной деятельности выступает соблюдение основных начал в законодательной деятельности, поэтому ни при каких условиях целесообразность не может перевешивать требования законности¹⁵.

Социальный статус «высшее положение в преступной иерархии» является специальным признаком субъекта преступления и характеристикой социально-демографической подструктуры личности преступника. Правы те авторы, которые указывают на факт приобретения данного статуса в результате активной криминальной деятельности («статус формируется на основе деятельности, которая обращена в прошлое, это прошлые заслуги, это право быть авторитетом в силу накопленного опыта. В преступности прошлые заслуги и авторитет основаны на рецидиве»¹⁶). Более того, его наличие должно указывать на продолжение этой деятельности. Однако в науке приводятся и суждения иного рода, согласно которым данный статус в настоящее время вполне возможно не заслужить, а, например, купить¹⁷. Указывается также на вполне возможную ситуацию «отхода от дел» носителями данного статуса, т. е. неосуществление ими криминальной деятельности¹⁸.

В то же время мы согласны с Н. Г. Кадниковым в том, что в рассматриваемой норме речь идет именно о признаках личности, подлежащих установлению в целях привлечения к ответственности, а не о признаках состава¹⁹.

Таким образом, статусно-ролевое положение субъекта преступления имеет уголовно-правовое и криминологическое значение, в частности, влияя на его общественную опасность, что должно учитываться при криминализации и декриминализации деяний, а также в рамках дифферен-

¹⁵ Отметим, что в уголовно-правовой науке предложено понимание целесообразности как соответствия основным принципам уголовного закона и в правоприменении, и в законотворчестве (см.: *Бавсун М. В., Марцев А. И.* Целесообразность в уголовном праве // *Известия высших учебных заведений. Правоведение.* 2003. № 4 (249). С. 94–106). Отсюда целесообразность и законность, строго говоря, друг друга не исключают.

¹⁶ См., например: *Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф.* Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // *Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности* (Саратовские уголовно-правовые чтения) : материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 81–85.

¹⁷ См., например: *Бычков В. В.* Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (ст. 210.1 УК РФ) // *Вестник Моск. академии Следственного комитета РФ.* 2019. № 3. С. 26–31.

¹⁸ См., например: *Иванчин А. В.* Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью : критический анализ актуальных инициатив // *Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки».* 2019. № 2 (48). С. 54–58.

¹⁹ См.: *Кадников Н. Г.* Указ. соч. С. 50–55.

циации ответственности. Однако законодательное придание указанным характеристикам значения основания ответственности вызывает обоснованные возражения, поскольку олицетворяет пренебрежение провозглашенными принципами уголовного права и важнейшими его институтами как нормативными гарантиями от произвола.

Библиографический список

Бавсун М. В., Марцев А. И. Целесообразность в уголовном праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 4 (249). С. 94–106.

Берсей Д. Д., Иванов С. А. Опасное состояние личности в свете современного уголовного законодательства // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2014. № 2 (41). С. 241–244.

Бурлаков В. Н., Щепельков В. Ф. Высшее положение в преступной иерархии как основание уголовной ответственности // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (Саратовские уголовно-правовые чтения) : материалы IV Всероссийской науч.-практ. конф. / под общ. ред. Н. А. Лопашенко. Саратов, 2019. С. 81–85.

Бычков В. В. Уголовно-правовая характеристика высшего положения в преступной иерархии (статья 210.1 УК РФ) // Вестник Моск. академии Следственного комитета Российской Федерации. 2019. № 3. С. 26–31.

Демидов Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве. М. : Юрид. литература, 1975.

Иванчин А. В. Оптимизация уголовно-правовых средств борьбы с организованной преступностью : критический анализ актуальных инициатив // Вестник ЯрГУ. Серия «Гуманитарные науки». 2019. № 2 (48). С. 54–58.

Кадников Н. Г. Опасное состояние личности как основание уголовной ответственности // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 50–55.

Караваева Ю. С. Об общественной опасности личности преступника со специальным статусом // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. № 1 (39). С. 113–118.

Караваева Ю. С. Специальный субъект преступления : криминологический правовой подход : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2017.

Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. М., 1960.

Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий для уголовной ответственности. М., 1958.

Лоба В. Е. «Рецепты» борьбы с преступностью социологической школы уголовного права // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Право». 2013. № 4 (10). С. 100–107.

Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

Пионтковский А. А. Учение о преступлении. М., 1961.

Принс А. Защита общества и преобразование уголовного права. М., 1912.

Рыбак А. З. Общественная опасность деяния как правовая категория // Юрист-Правовед. 2010. № 2 (39). С. 5–9.

Сыч К. А., Панарина В. В. Общественная опасность деяния в связи с позитивистской концепцией опасного состояния личности // III Междунар. пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление» (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) : тез. выступ. и докл. участников (г. Рязань, 21–23 нояб. 2017 г.) : в 8 т.

Т. 2 : Материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Совершенствование норм уголовного и уголовно-исполнительного законодательства». Рязань : Академия ФСИН России, 2017. С. 96–101.

References

Bavsun M. V., Martsev A. I. Features in criminal law // News of higher educational institutions. Jurisprudence. 2003. No. 4 (249). P. 94–106.

Bersey D. D., Ivanov S. A. Dangerous state of personality in the light of modern criminal law // Bulletin of the North Caucasus Federal University. 2014. No. 2 (41). P. 241–244.

Burlakov V. N., Shchepelkov V. F. Higher position in a criminal hierarchy as a basis for criminal liability // Criminal and legal impact and its role in crime prevention (Saratov criminal law readings): Sat. Art. According to the materials of the IV All-Russian Scientific and Practical Conference / under the general edition of N. A. Lopashenko. Saratov, 2019. P. 81–85.

Bychkov V. V. Criminal and legal characteristics of the highest position in a criminal hierarchy (Article 210.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) // Bulletin of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2019. No. 3. P. 26–31.

Demidov Yu. A. Social value and evaluation in criminal law. M.: Legal literature, 1975.

Ivanchin A. V. Optimization of criminal and legal means of combating organized crime: critical analysis of relevant initiatives // Bulletin of Yargu. The "Humanities" series. 2019. No. 2 (48). P. 54–58.

Kadnikov N. G. Dangerous state of personality as a basis for criminal liability // Union of Criminalists and Criminologists. 2020. No. 1. P. 50–55.

Karavaeva Yu. S. On the public danger of the personality of the criminal with a special status // Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. 2014. № 1 (39). P. 113–118.

Karavaeva Yu. S. Special Crime Subject: Criminal-Legal Approach : Dis. ... Cand. jur. science. Omsk, 2017.

Kudryavtsev V. N. Objective side of the crime. M., 1960.

Kuznetsova N. F. The value of criminal consequences for criminal liability. M., 1958.

Loba V. E. "Recipes" of the fight against crime of the sociological school of criminal law // Bulletin of Tomsk State University. Series "Law". 2013. No. 4 (10). P. 100–107.

Merton R. Social theory and social structure. M., 2006.

Piontkovsky A. A. The doctrine of the crime. M., 1961.

Prince A. Protection of society and transformation of criminal law. M., 1912.

Rybak A. Z. Public danger of Acts as a legal category // Lawyer-Rovement. 2010. № 2 (39). P. 5–9.

Sycha K. A., Panarina V. V. The public danger of Acts in connection with the positivist concept of a dangerous state of personality // III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction" (to the 20th anniversary of the entry into force of the Criminal Code of the Russian Federation): Sat. Tez. ledge. and dokl. Participants (Ryazan, 21-23 Nov. 2017): at 8 t. T. 2: Materials of the International Scientific and Practical Conference "Improving

the norms of criminal and criminal laws”. Ryazan: Academy of FSIN of Russia, 2017. P. 96–101.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Пермь)

Каравеева Ю. С., кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права

E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru

National Research University «Higher School of Economics» (Perm)

Karavaeva Yu. S., Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Civil and Business Law Department

E-mail: IUSKaravaeva@hse.ru